

2. Гобсон, Дж. Эволюция современного капитализма. С рецензией В.И. Ленина / Дж. Гобсон; пер. с англ. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 448 с.

3. Кагарлицкий, Б.Ю. История России: миросистемный анализ / Б.Ю. Кагарлицкий, В.Н. Сергеев. – М.: Книжный дом «Либроком» / URSS, 2014. – 432 с.

4. Каутский, К. Экономическое развитие и общественный строй. Комментарий к положениям Эрфуртского съезда / К. Каутский. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 200 с.

5. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 299–426.

6. Люксембург, Р. Введение в политическую экономию / Р. Люксембург. – М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1960. – 326 с.

7. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh. – Дата доступа: 30.05.2016.

8. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: КОНЦЕПЦИЯ И ФОРМЫ (ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Н.В. Смехович,
зав. Центром новой и новейшей истории Беларуси
Института истории НАН Беларуси,
канд. истор. наук, доцент

Длительное время в белорусской исторической науке господствовали марксистские представления о государстве и его сути. Поэтому в отечественной историографии проблема государственности не была в приоритете научных исследований. В результате в белорусской историографии не было разработано концептуального понимания исторического пути, пройденного белорусским народом. В советское время социально-экономическая

и политическая история белорусов трактовались в контексте общей концепции истории России. В ее рамках белорусский народ был объектом, но не субъектом исторического процесса. Поэтому во времена БССР никто не обращал внимания на проблему белорусской государственности. Однако с обретением суверенитета и независимости ситуация в Беларуси резко изменилась. Прежде всего, в том отношении, что классовая проблематика утратила актуальность, а национальная, наоборот, получила статус исследовательского приоритета.

После 1991 г. наиболее актуальной стала проблема периодизации политической истории Беларуси. Она вызывала острую полемику специалистов, политиков, была предметом научных и общественных дискуссий. Например, общественное движение Белорусский народный фронт в своих уставных документах задекларировал и предложил обществу обратиться к опыту государственного строительства времён Великого княжества Литовского [25, с. 201]. Предложение учредить законодательный сойм рассматривалось даже на уровне Конституционной комиссии и было внесено в проект Конституции по состоянию на октябрь 1992 года [15, с. 461]. В июне 1996 года группа представителей национальной элиты, среди которых было 14 академиков и членов-корреспондентов НАН Беларуси, в том числе академики Е. Бабосов, В. Бураков, И. Волотовский, И. Гайшун, Н. Изобов и другие, писатели (И. Шамякин), спортсмены (А. Медведь), всего 47 человек, направили Президенту страны открытое письмо под названием *“Работа по восстановлению исторической правды подвергается яростному сопротивлению со стороны национал-экстремистов, претендующих на истину в последней инстанции”* [26, с. 3]. Представители белорусской элиты обратились к Президенту с призывом обеспечить действительно научное руководство процессом подготовки и издания исторических трудов, которые соответствуют интересам белорусского народа.

Действительно, в те годы мышление многих белорусских историков было озадачено поиском ответа на вопрос – какое вековое историческое наследие, накопленное белорусским народом, следует отнести к национальному? Многие ученые пошли по наиболее простому пути. Они ухватились за идею соединить государственные и национальные начала и на этой основе создать

собственную концепцию периодизации политической истории Беларуси [30, с. 71]. В 1993 г. работа завершилась и в журнале “Беларускі гістарычны часопіс ” была опубликована концепция истории и исторического образования в Республике Беларусь (автор: М. Бич – заместитель директора Института истории НАН Беларуси, профессор) [29, с. 30 – 32]. Если обратить внимание на “краеугольные камни” отмеченной концепции (далее – концепции 1993 г.), то это были следующие идеи или концепты:

1) идея существования балто-славянского этнического субстрата;

2) отрицание “как надуманной” идеи существования в IX–XIII веках единого централизованного древнерусского государства и единой древнерусской народности и продвижение тезиса о том, что Полоцкое и другие самостоятельные княжества IX–XIII вв. на территории Беларуси олицетворяли белорусскую государственность на раннефеодальном этапе ее становления и развития;

3) отрицание тезиса о Великом Княжестве Литовском как о государстве чужом для белорусов и принятие тезиса о белорусской национальной государственности ВКЛ;

4) отрицание идеи “воссоединения” белорусского народа з братским русским народом в границах Российской империи, культивация идеи колониального положения белорусских земель в составе Российской империи;

5) отказ от прославления большевистской политики и советского федерализма и продвижение идеи “сознательной” или несознательной фальсификации истории Беларуси советского периода [29, с. 30 – 32].

В 1994–1995 годах на основе этих концептов были подготовлены “Нарысы гісторыі Беларусі”, школьные и студенческие учебники. В части первой “Нарысаў гісторыі Беларусі” можно прочитать, что Полоцкое княжество явилось «источком белорусской государственности», а Великое Княжество Литовское было “Белорусско-Литовским государством» [1, с. 92, 116]. “Большинство современных исследователей ищут истоки государственности Беларуси во времена Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (вторая половина XIII – XVIII вв.), или еще раньше – в период Полоцкого княжества”, – резюмирует А. Ратько [2, с. 95].

Позднее схожие характеристики Полоцкого княжества, Великого Княжества Литовского были изложены в другой литературе,

например, в “Гісторыі Беларусі ў шасці тамах.” Во втором томе этого издания говорится, что Великое Княжество Литовское “может рассматриваться не только как литовское, но и как белорусское государство” [3, с. 639]. В шестом томе утверждается, что “основное событие истории Беларуси конца XX в. связано с восстановлением белорусской государственности, которая отсутствовала на протяжении нескольких столетий, во время вхождения белорусских земель в состав первой Речи Посполитой и Российской империи” [4, с. 690]. *Изложенный материал дает возможность сделать вывод о том, что длительное время в национальной белорусской историографии (с 1991 г.) в вопросе о государстве и государственности не было научной ясности и определенности.*

Но наибольшие трудности, даже “замешательство” в умах тех исследователей, кто ориентировался на концепцию 1993 г., вызывал вопрос – а что же представляли собой Речь Посполитая и Российская империя? Для того, чтобы определить Речь Посполитую в качестве белорусского государства, нужны были аргументы, опирающиеся на анализ исторических фактов. Таких фактов, кроме того, что после 1569 г. в рамках Речи Посполитой Великое Княжество Литовское сохраняло автономный статус, не было. Ведь в Речи Посполитой наблюдалась языковая и культурная полонизация политического класса, правившего в Великом Княжестве Литовском. После того, как в 1696 г. сейм принял решение о переводе делопроизводства на польский язык, белорусский язык стал вытесняться из государственного делопроизводства, а через 10 лет было принято решение о запрете католикам менять вероисповедание. Усиление полонизации сопровождалась политической дезорганизацией правившего класса. Знаменитое “liberum veto” – это прежде всего апофеоз неспособности правившей элиты Речи Посполитой обеспечить дальнейшее самостоятельное историческое существование своего государственного образования.

В соответствии с четвертым и пятым тезисами концепции 1993 г. историческими недругами белорусского народа были названы правивший класс Речи Посполитой (польская шляхта) и Российская империя. Поэтому исторический процесс, связанный с подавлением восстаний 1794 г, 1830–31 гг, 1863–64 гг, историей Белорусской

Народной Республики, рассматривался как недружественная, не соответствовавшая коренным интересам белорусской нации, политика правительства царской, а затем и советской России,

Безусловно, в целом концепция истории и исторического образования в Республике Беларусь, созданная в 1993 г., сыграла положительную роль в развитии белорусской исторической науки. Но не все ее идеи, особенно те, которые не отличались научной аргументацией, прошли испытание временем. В частности, не выдерживала критики идея о том, что Великое Княжество Литовское было белорусским государством. На это обратил внимание Президент А.Г. Лукашенко в лекции, прочитанной в 2003 г. в Белорусском государственном университете. “Исторический период Великого княжества Литовского нельзя идеализировать, как это делают некоторые литераторы. Это было не собственно белорусское государство”, [22, с. 23, 37] – резюмировал А.Г. Лукашенко.

Более того, в рамках концепции 1993 г. не было возможности решить вопрос о национальной принадлежности Великого Княжества Литовского. Дело в том, что между формой политической титуляции, т.е. названием этого государственного образования, и названием населения, доминировавшего в этом государстве, (т.е. его этнонациональным компонентом) не было соответствия. Такая же ситуация была характерна и для Речи Посполитой. Эти противоречия создавали много трудностей в изучении и осмыслении истории Беларуси как на школьном, так и университетском уровнях. Не меньше их было и на уровне фундаментальной исторической науки, так как многие белорусские историки отказывались признавать Речь Посполитую только польским государством. Вместе с тем, большие проблемы были и в толковании истории временного пребывания белорусской нации в составе российского государства. Как уже говорилось выше, в шестом томе “Гісторыі Беларусі” культивировался тезис гибели белорусской государственности. Логическим продолжением идеи гибели было продвижение концепции насильственного “наступления на белорусский этнос” [3, с. 687].

Длительное дискутирование на страницах различных изданий основных концептов 1993 г. показало, что белорусская историческая наука *нуждается в новом научно-теоретическом*

осмыслении проблемы государственности ибо без ее нового прочтения преодолеть сложившиеся в историографии противоречия было практически невозможно.

В свою очередь, новое научно-теоретическое осмысление истории государственности нуждалось в решении проблемы, а именно: что же она собой представляет как научная категория? Полагаю, что разговор о государственности и государстве следует начать с понятий. Когда заходит речь о государственности возникают вопросы – 1) с чего началась история белорусской государственности, 2) что собой она представляла в прошлом и представляет в настоящем? Прежде чем ответить на эти вопросы, сделаем уточнение, что и в первом, и во втором случае осмысление исторического процесса должно быть системным и теоретически последовательным.

Теоретическая последовательность – база концептуальности. В исторической науке, как и в реальной жизни человека и общества, эта последовательность находит воплощение в логической взаимосвязи исторических фактов, событий и явлений. В тоже время любая деятельность человека имела имеет целенаправленный характер. Следовательно, в вопросе о государственности присутствуют две стороны, которые взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, это экономические, социальные процессы, которые составляют основу развития всякой общности. С другой стороны – это политические отношения, в рамках которых экономические, социальные процессы обретают форму государственного организма [30, 67].

Отмеченную последовательность можно проследить на примере отдельных понятий. Научные понятия – это также результат осмысления реальных социальных, экономических и политических процессов. Они не «придумываются» беспредметно, а являются отражением исторического процесса в целом. В качестве конкретного примера возьмем понятие «государство». *Начиная с железного века, такие привычные для нас понятия как «территория» и «население», как правило, не связывались с политической организацией общества.* В IV – VI вв. н.э. под воздействием гуннов геополитическая карта Европы постоянно трансформировалась. Это была эпоха Великого переселения народов, которая оказала влияние на последующую историю всех народов Европейского континента, в том числе и восточных славян [30, 67].

Поэтому в литературе такие концепты как «государство» и «государственность» долгое время на системной основе не разрабатывались. В античные времена древние греки пользовались понятиями “polis”, “politea”, которые были идентичными таким современным понятиям как «политическое сообщество», «гражданское общество», «государство». Афинская демократия, как инструмент властвования, касалась всех граждан, управление в полисе было делом всего общества. Поэтому Аристотель и говорил, что «человек – существо политическое», «существо, живущее в полисе». У Аристотеля государство – данность, то, что «существует по природе». «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку,... каждое государство слагается из отдельных семей»,– утверждал Аристотель [6, с. 379, 380]. В метафизических рассуждениях Аристотеля суть вещи и ее название совпадают. Поэтому аристотелевское государство – это статичный продукт семейного общежития, а не результат социально-экономических, политических и этнических процессов.

В Древнем Риме сфера управления соответствовала понятиям “res publica” и “societas civilis». В связи с этим римское право называлось гражданским, а не государственным. Как утверждает К. Гаджиев, античные мыслители, разрабатывавшие политические феномены на основе полиса, вообще не знали понятия “государство”, впервые это сделал Н. Макиавелли (“Государь”) [7, с. 30]. Макиавеллиевское государство – это уже научная категория, это, прежде всего, организация политической власти. В дальнейшем французский теолог, философ, юрист и историк Ж. Боден в своих трактатах (“Шесть книг о республике”, 1576 г.) попытался дискутировать с античными и европейскими, в том числе современными ему авторами, на тему происхождения государства, сути власти и форм правления. В связи с этим он ввел понятие суверенитета, “т.е права издавать законы, объявлять войну и мир, права высшего помилования, права выбора всех магистратов, особенно Сената” [8, с. 216, 239]. У Ж. Бодена встречается термин государственность. «Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например, диктатур...»,– написал он во «Введении» к «Методу легкого познания истории» [8, с. 18]. Боденовская государственность – это форма правления. Никакого иного толкования государственности у него не

встречается. Как известно, к тематике, связанной с государством, обращались признанные западноевропейские мыслители: Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель, Г. Спенсер, В. Парето, Г. Моска, М. Вебер, Л. Дюги, Б. Кроче, К. Шмитт и многие другие. Каждый из них, излагая свое представление о государстве, обогащал научные знания. Но они не отделяли понятие «государственность» от понятия «государство».

В конечном счете, в философско-правовой мысли стран Западной Европы античные выражения “*status rei publicae*”, “*status rei romanae*” видоизменились и стали использоваться для обозначения понятия “государство” – “*stato*”, “*staat*”, “*etat*”, “*state*”. Эти термины соответствуют понятиям “статус”, “состояние”, “упорядоченность”. В политических реалиях стран Запада начала XXI века понятие «государство» используется, прежде всего, тогда, когда разговор ведется об институтах власти и должностных лицах, которые составляют систему управления [7, с. 21, 22, 30, 58, 227, 228].

В оксфордском словаре термин *statehood* – государственность – трактуется как «*the fact of being an independent country and of having the rights and powers of a country*» [факт существования независимой страны и обладания правами и властью (силой) страны] [9, с. 1479]. В другом смысловом значении – *statehood* – это состояние существования одного из штатов внутри страны, например, США [9, с. 1479]. И в этих толкованиях не прослеживается различия между государством и государственностью.

История как наука оформилась во второй половине XIX века. В эпистолярной практике историков России, европейских государств понятия «государство» и «государственность» также отождествлялись. Например, В. Ключевский писал, что «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона» [23, с. 42]. С. Соловьев считал, что государственность – это “правительство в той или другой форме своей” [24, с. 18].

Ситуация не изменилась и с появлением марксистского учения о государстве. Марксистское учение о государстве вполне “вписывается” в общую социально-политическую доктрину классов и классовой борьбы. В работах К. Маркса встречается термин государственность. “Различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят

на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о “современной государственности”, в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество”, – писал К. Маркс в “Критике Готской программы” [10, с. 21]. Маркс усматривал корень государственности в классовости общества, поэтому у него не просматривается разница между государством и государственностью. Предельно точно логику марксизма в отношении государства изложил В. Ленин в работе “Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции”. Но по философски-туманному определению В. Ленина “Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий” [11, с. 7, 36].

Нетрудно заметить, что в теоретических конструкциях (дизайнах) Аристотеля, Макиавелли, Бодена, ряда других мыслителей государство статично, поэтому они были вынуждены писать о “современном” государстве, хотя по атрибутивным признакам принципиальной разницы между “современным” и “несовременным” государствами не наблюдается. В марксизме преобладает концепция общества-государства, но только общества классового и соответственно такого же государства. Вместе с тем, марксизм рассматривает государство не в качестве готового объекта, а как результат классовоцентричного исторического процесса [30, 68].

В XX веке в социогуманитарных науках ряда социалистических стран возобладали марксистские методологические подходы к проблеме исследования и освещения сути государства, начиная с процесса его возникновения. В трудах советских философов, историков, экономистов велся разговор о государстве и государственности как сущностно едином понятии. Это нашло отражение и на страницах энциклопедических изданий. Государственность, термин, который в политической литературе употребляется: 1) как синоним государства вообще, государства того или иного исторического типа; 2) для обозначения системы диктатуры определенного класса; 3) для обозначения системы органов государства; 4) при объединении в определенные группы каких-либо общих черт или признаков государства, – говорится в Большой Советской Энциклопедии» [12, с. 162].

Конспективный анализ философско-методологических подходов к понятию государственность дает возможность сделать вывод о том, что на протяжении двух тысячелетий ученые практически отождествляли понятие “государственность” с понятием “государство”.

И все же возникает вопрос – существуют ли различия между этими понятиями? И если существуют, то в чем они коренятся? Необходимо отметить, что обозначенные концепты касаются не только исторической науки, в силу своей категориальности они носят философско-мировоззренческий характер. Заинтересованность в их разработке у историков, философов, политологов, правоведов, культурологов, на наш взгляд, общая. Нельзя сказать, что белорусские философы не уделяли внимания этой проблематике. Как отмечает доктор философских наук, профессор В. Чуешов: “В первом приближении государственность характеризуют такие социальные и политические предметы, которые не являются государством и, следовательно, по времени вполне могут предшествовать национальному государству, а также существовать вне его границ” [13, с. 128–129].

Что касается исторической науки, то результаты научного труда историка во многом зависят от выбора методологического инструментария. Начиная разработку любой проблемы, историк, как правило, нацелен на поиск момента возникновения исторического факта, события или явления. После 1991 г. многие отечественные историки обратили внимание на позитивизм. Однако позитивизм как методология рекомендует исследователям рассматривать исторические концепты, в т. ч. государственность, в качестве единичных явлений. Концепт «развитие» в позитивистской методологии отсутствует, а если нет развития – нет никаких закономерностей исторического процесса [30, 69]. Это не способствовало укреплению позиций позитивизма в качестве научной методологии гуманитарных наук. Ибо как справедливо утверждает мексиканский профессор Карлос Антонио Агирре Рохас, который много лет работал во французских «Анналах», «старая позитивистская историография XIX века превратилась в живой труп... В течение всего двадцатого века она оказалась неспособной сделать ни единого исторического открытия, не выработала никакого нового метода или теории, техники или процедуры современного историографического анализа» [14, с. 112].

Вместе с тем, философская концепция диалектического материализма, наоборот, опирается на исторические закономерности, присущие человеческой деятельности. Поэтому исследователь может использовать категорию “развитие”, и на этой основе изучать эволюцию, этапы, формы и содержание исторических фактов и событий. Диалектический материализм как методологическое учение доказывает, что история – это целенаправленная человеческая деятельность и ее результаты. В случае с государственностью это также целенаправленная деятельность этнонационального сообщества ради самосохранения и развития во времени и пространстве. Поэтому, опираясь на принцип историзма, присущий методологии диалектического материализма, впервые в истории мировой гуманитарной мысли в новейшем издании “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн. 2.” нами была дана принципиально новая трактовка дефиниции государственность. “Государственность – это право этнонациональной общности, потенциальная способность и возможность ее национальной элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию”. Государство же – это конкретно-историческое воплощение права этнической/национальной общности на государственность в историческом пространстве и времени [15, с. 502]. Продолжая разговор о государственности, отметим, что в процессе эволюции формы воплощения государственности в историческую действительность могут меняться, эволюционировать, но сама государственность всегда остается неизменной.

Необходимо отметить, что в связи с празднованием 1150-летия российской государственности эта тематика обсуждалась на различных научных форумах. Научные дискуссии состоялись в 2012 г. в Новгороде и Москве. По их итогам были опубликованы материалы международных научных конференций. На конференции в Москве Н.М. Рогожин попытался (по его словам) “обратиться к самому понятию государственности”. Он пишет: “её можно определить как исторически сложившуюся систему предствлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственного управления” [16, с. 72]. На наш взгляд, в подходах Н.М. Рогожина к определению сути и

содержания дефиниции “государственность” ничего нового нет, мы видим отождествление “предствлений” о государственности с “представлениями” о роли и функциях, правах и обязанностях государства. В 2015 г. философ. Р.А. Лубинского пишет: “Российскую государственность как социальную реальность не следует отождествлять с российским государством. Российскую государственность можно рассматривать как государственно-организованное общество, неформальную институциональную матрицу функционирования и развития которого задает государство” [20, с. 12]. *Это определение Р.А. Лубинского созвучно нашему определению, особенно в тезисе “не следует отождествлять”.*

Содержание новой концепции. В соответствии с нашим определением, государственность – это не материальный объект, ее нельзя «потерять» или «возродить», т.е. восстановить. Право белорусской народности/нации воплощалось и воплощается в историческую действительность (процесс) ее национальной элитой. Оно (право) зависит от способности элиты обеспечить его реализацию на протяжении всей жизни общности. Воплощение этого права является атрибутивным свойством народности/нации, с помощью которого можно характеризовать как процесс становления и формирования (завершен или нет, его этапы), так и ступень «зрелости» самой этнонациональной общности. Само по себе наличие национальной элиты – это еще не гарантия того, что общность сможет реализовать свое право [30, 70]. Обязательным условием является наличие других атрибутивных свойств – способности элиты обеспечить реализацию права в конкретной исторической ситуации. Концепт «способность» характеризует наличие реальных и потенциальных интеллектуальных, политических, экономических, информационно-идеологических, военных, кадровых ресурсов, необходимых для всесторонней деятельности с целью реализации отмеченного права [28, с. 37].

Право общности и способность ее национальной элиты, как правило, находятся под сильным воздействием конкретно-исторической ситуации. Некоторые представители западной философско-социологической мысли, опираясь на идеи Торы и Талмуда, определяют историческую ситуацию в терминах “вызов времени”, “исторический вызов”. По нашему мнению, конкретно-

историческая ситуация – это не что иное как возможность, которая оказывает влияние как на процесс становления государства, его развития, так и на само существование государства и государственности. Например, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. как конкретно-историческая ситуация поставила под вопрос дальнейшее существование (даже биологическое) многих народов СССР, в т.ч. и белорусского. Вместе с тем, под вопрос была поставлена советская государственность, государственность советской Беларуси [28, с. 36].

Несколько иная ситуация была характерна для истории Белорусской Народной Республики. Некоторые исследователи обращают внимание на отдельные детали при оценке факта провозглашения БНР, попыток ее институализации. К таким деталям следует отнести и известную резолюцию I Всебелорусского съезда, и известную телеграмму Рады БНР правительству Германии. Для БНР эти детали имели значение, особенно в конкретной исторической ситуации и реалиях Брестского мира. Однако для белорусской государственности как права этнонациональной общности на самостоятельное историческое существование и развитие они значения не имели. Ведь *ни советская Россия, ни Германия не могли, ни даровать, ни отнять у белорусов этого права. А в борьбе за его реализацию возможно применение всего арсенала политических средств и ресурсов.*

Продолжая разговор о содержании и свойствах новой концепции, отметим, что в ее рамках объектом исследования всегда выступает натуральное условие и пространственная граница существования общности – исторически-извечная территория расселения и проживания общности, что обеспечивало и обеспечивает реализацию неотъемлемого права на длительное самостоятельное историческое развитие. А предметом исследования выступают, прежде всего, движущие причины, которые в разных формах являлись побудительным мотивом, "руководством к действию", исторической силой, направлявшей деятельность (политическая, экономическая, культурная и др.) национальной элиты, ориентированной на обеспечение этого права; оценка реальной и потенциальной способности достичь поставленной цели, оценка тех потенциальных возможностей в форме конкретно-исторической ситуации (политической, геополитической), которая существенным образом повлияла на реализацию этого права.

Следует отметить специфику диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности государственности и трех атрибутивных свойств государства – территории, народа-населения и суверенной государственной власти. В политических реалиях современного государства это проявляется в том, что политические институты государства не являются носителями государственности. Суверенная власть и ее институты – атрибуты государства. Носителями государственности являются политические и гражданские объединения как форма самоорганизации, например, белорусской этнонациональной общности. Только на основе самоорганизации белорусский народ (как и любой другой) может быть (являться) источником государственной власти и выполнять функции носителя суверенитета [28, с. 37].

Самоорганизация проявляется в самых разных формах. Согласно нашей типологии, структуры социальной самоорганизации можно разделить на институциональные, потенциально-формализованные и инициативные. Институциональные структуры выступают и действуют в форме общественных институтов, например, институт семьи и брака, институт общественного управления – власть, институт общественного производства – предприятие, институт общественной морали – религия и т.п. Потенциально-формализованные структуры проявляются и функционируют как структуры гражданского общества. Они чрезвычайно разнообразны. Некоторые из них стремятся к институализации. Таковыми стали политические партии. В XX веке в процессе социальной эволюции в ряде государств институциональными стали профсоюзы, отдельные молодежные организации.

Инициативные формы социальной самоорганизации составляют наиболее массовую их часть. Это “питательное” поле породило разные формы предпринимательства, демократии, парламентаризма. Одни инициативные формы социальной самоорганизации, носят временно-ситуационный характер, создаются и исчезают достаточно быстро. Другие закрепляются и, не теряя своей природы, эволюционируют на протяжении длительного исторического времени, становятся институциональными. К ним можно отнести, например, общественное местное самоуправление, которое возникло еще в племенную эпоху, но и в XXI в. оно существует в большинстве государств.

Однако, если этнонациональная общность не обладает способностью к самоорганизации, не может осмыслить и осознать свое право на самостоятельное историческое существование, она не будет бороться за его реализацию в форме создания собственного государства. Вместе с тем, в случае, когда национальная элита этой общности, имея государство, не способна обеспечить его развитие, государство может перестать существовать. Например, советский народ имел право на самостоятельное историческое существование, у него была реальная возможность и далее реализовывать это право. Но его национальная элита – политическая (правящая партия, правительство СССР), научная и культурная (интеллигенция) – оказалась неспособной обеспечить реализацию этого права, даже несмотря на волю народа, высказанную на мартовском (1991 г.) всесоюзном референдуме. Действительно, Съезд народных депутатов СССР, будучи высшим органом политической власти страны, и тем самым неся всю ответственность, в т.ч. историческую, за будущее этого государства, самостоятельно объявил о своем самороспуске. Тем самым народные избранники просто бросили свой народ на произвол судьбы, и этим они покрыли себя пятном политической ничтожности и бесславия. Именно в этом исключительно-перестроечном случае советский народ не был творцом своей истории. Он лишь пассивно наблюдал за процессом и ждал решения своей судьбы. Поэтому к концу 1991 г. советский народ, а вместе с ним и СССР, бесславно прекратили историческое существование [28, с. 37].

Такая же историческая ситуация сложилась в последней трети XVIII в., когда национальная элита Речи Посполитой не смогла обеспечить дальнейшее существование своего государства. И в 1917 г. национальная элита Российской империи оказалась неспособной обеспечить дальнейшее существование и развитие государства. Поэтому вполне справедливым и обоснованным является утверждение, что объявление независимости и суверенитета любого государства еще не означает автоматического обретения собственной государственности [28, с. 37 – 38].

Новый, современный этап в развитии белорусской государственности тесно связан с институтом президентства, который выполняет консолидирующую функцию, выступает организационным началом в объединении национальной элиты с

тем, чтобы она (при наличии права и возможности) была способной и смогла обеспечить дальнейшее историческое прогрессирование государственности. Но этого недостаточно. Второй силой, способной обеспечить будущее белорусской государственности, является способность белорусской нации/народа к самоорганизации. Самоорганизации политической – в форме диалектического единства народа как источника власти, носителя суверенитета и действующей власти. Единства на основе общей исторической цели. Это – источник силы современного белорусского государства. Замечу, – не следует считать синонимами, путать принцип диалектического единства народа как источника власти, носителя суверенитета и действующей власти с идеей их политического единения. Первое является основой белорусской модели демократии, а второе – политический лозунг советского периода истории [27, с. 80].

Самоорганизации экономической – в форме ответственности каждого человека труда за его результаты, за экономическое благополучие своей семьи, своего предприятия, своей страны. И, конечно, самоорганизации национальной элиты по всем указанным выше направлениям. Такова, на наш взгляд, суть исторической миссии современной белорусской национальной элиты.

Наше определение сущностного содержания государственности – научное открытие, которым могут воспользоваться праведы, политологи, представители других гуманитарных дисциплин. Это открытие дало ему возможность проследить эволюцию и определить формы белорусской государственности. На страницах первой книги “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.” нами установлено, что белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции нашла воплощение в двух формах – исторических и национальных. К историческим формам принадлежат несколько государственных образований. К ним относятся Полоцкая, Туровская и Киевская Русь, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая. Однако исторические формы государственности принадлежали не только белорусскому народу, но и другим народам, земли которых они объединяли. Эти формы государственности были полиэтническими [21, с. 7].

В тоже время к национальным формам государственности принадлежат те формы, в титулах которых присутствует национальный компонент – «белорусская». К ним относятся: Белорусская Народ-

ная Республика, Социалистическая Советская Республика Беларусь, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь [27, с. 79]. Как известно, основными признаками государства являются: территория, население, власть, суверенитет, монопольное право на применение принуждения, монопольные права на издание законов, взимание налогов и сборов.

Однако в исторической ретроспективе так было не всегда. В частности, в период феодализма, учитывая территориально-политическую раздробленность, наличие вассальной зависимости в рамках отдельных территориально-политических образований, многочисленные междоусобные войны и территориальные переделы можно говорить о том, что территория и население в тот период не относились к основным признакам государства. Таким обязательным признаком-атрибутом была власть.

Учитывать это необходимо при осмыслении государственности Киевской Руси. В IX – XIII вв. восточные славяне, в т.ч. полочане, новгородцы, киевляне не знали понятия "государство". В ходу были понятия "земля", "волость", княжение. «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». «Если же какая-нибудь страна станет угодной богу, то ставит ей бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судию, судящего суд, ... князь глава земли (*т.е. глава государства. - Н.С.*)», – говорится в «Повести временных лет» [17, с. 184]. Летописец повествует о прижизненном наставлении великого киевского князя Ярослава своим сыновьям: "Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайте его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск, ... И так разделил между ними города, запретив им переступить пределы других братьев и сгонять со стола"[17, с. 184]. Перед нами форма устройства политической власти Киевской Руси, на территории, очерченной летописными городами и княжескими столами на 1054 г. Центр княжества – правящий город-стол был центром княжеской власти, в современном толковании – центром автономным. Его политическая связь с другими городами (не правящими столами) была обусловлена только правом «старшего брата» и принципом «старшинства-послушания».

Поэтому Киевская Русь – это не белорусское, не российское, не украинское государство, это также не общее государство этих трех народов, которых в середине XI в. не было как культурно-этнической, политико-правовой целостности. Киевская Русь в категориях современной политологии – это скорее свободная властно-династическая конфедерация, а не единое государство со своей территорией и населением. Поэтому концептуально обоснованным является положение о том, что Полоцкое княжество (Полоцкая Русь), Киевское княжество (Киевская Русь) – это в равной степени историческая форма белорусской, русской, украинской государственности, носителями которой были соответствующие племенные объединения. Эти этнические общности вступили на путь государственной жизни, государственного бытия как права на самостоятельное историческое развитие в рамках своего государственного организма.

Во-вторых, когда идет речь о формах государственности, необходимо исходить из наличия исторической закономерности – есть нация, можно вести речь о национальном государстве, а в период, когда наций не было, говоря о формах государственности, вполне обоснованным будет использование термина «исторические»

Если же сделать краткий экскурс в историографию других европейских стран, следует отметить, что термин «исторические» применительно к характеристике наций и национальных движений одним из первых в своих трудах начал использовать чешский историк М. Хрох. Он писал, что в конце XX в. после краха коммунистического правления в странах Центральной и Восточной Европы, «персонифицированный национальный организм, как и в XIX веке, требует себе собственного отдельного пространства. И ныне, как тогда, претензии на такое пространство основываются на обращении к двум различным критериям, отношения между которыми часто весьма натянуты: с одной стороны, на принципе области, характеризующейся этнической однородностью своего населения как группы с общим языком и культурой; а с другой стороны, на понятии исторической территории с ее традиционными границами, в которых часто заключены и другие этнические группы со статусом меньшинства. В XIX веке второй критерий приобрел особую важность для так называемых «исторических наций». Так, чехи считали все земли в границах Богемии и Моравии принадлежностью своего

национального организма,... литовцы полагали, что польско-еврейский город Вильно является их настоящей столицей. Сегодня эта модель имеет еще больший потенциал широкого распространения, поскольку, наряду с теми нациями, которые в прошлом веке расценивались как «исторические», теперь еще появились нации, снискавшие себе соответствующего рода историю до войны, когда эстонцы или латыши добились независимого государства, или даже во время войны, когда словаки и хорваты обеспечили себе протекторат под нацистским покровительством» [18, с. 137]. Э. Геллнер, анализируя взгляды М. Хроха, говорит, что его подход «в том, чтобы связать национализм с некоторой абсолютной исторической фазой, а именно с переходом от доиндустриального к капиталистическому обществу» [19, с. 189]. В таком подходе чешского исследователя к решению проблемы мы наблюдаем не только логическую взаимосвязь, но и историческую закономерность – есть нация, можно вести речь о национальном государстве. А в период, когда нации, например, белорусской, не было, говоря о формах государственности, вполне обоснованным будет использование термина «исторические».

Конечно, когда заход речь о XIX веке, некоторые исследователи вспоминают тезис о «праве наций на самоопределение», который не потерял своей актуальности для многих национальных сообществ, например, курдов, палестинцев, каталонцев и в начале XXI века. Замечу, – *право наций на самоопределение* – это, прежде всего, это политико-правовая констатирующая категория. Она имеет опосредованное отношение к государственности. Ведь, являясь составной частью уже существующего государственного организма, находясь по сильным воздействием доминирующей нации, ее политики, культуры такие (требующие самоопределения) нации, их национальные элиты ощущают опасность ассимиляции, угрозу прекращения дальнейшего исторического существования и развития. Таких примеров в истории Европы достаточно много. Поэтому национальные образования, требующие самоопределения, т.е. отделения и создания собственного государственного образования, конечно, пытаются решить вопрос и о своей государственности. Однако в этом случае речь идет только о праве на отделение, признании этого права со стороны разрешающей политической силы, а не о способ-

ности и возможности их национальной элиты на начальных и предыдущих исторических этапах.

Безусловно, одной из проблем, которая имеет прямое отношение к теме государственности, и которая препятствует развитию белорусской исторической науки, является отсутствие трудов по истории белорусской элиты. Нет у нас и трудов по истории становления и развития белорусской народности и нации. Это касается как периода IX – XVIII, так и периода XX – начала XXI вв. Прежде всего по той причине, что данная проблематика требует глубокого теоретического осмысления. Ведь на одной сумме фактов и старой концепции возникновения буржуазных наций, изложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», далеко не уедешь. В рамках этой концепции белорусы в XIX веке – догоняющая нация, которая запоздала в своем развитии. Однако социально-экономические, политические и цивилизационные реалии начала XXI века свидетельствуют, что белорусы никого не догоняли. В своем развитии, как историческая общность, они ни от кого не отставали и не отстают. С начала XX века они стремились реализовать собственную модель цивилизационного, в том числе государственного развития, в которой национальный фактор (в отличие, например, от Франции, Италии, Испании и Германии) не был главным, стержневым. Поэтому решение социальной проблематики осуществлялось не в условиях противоречий классовой борьбы, а по законам социальной гармонии [30, с. 70].

Использованные источники и литература

1. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш. – Мінск: Беларусь, 1994.

2. Рацько, А.Ф. Вытокі беларускай дзяржаўнасці А.Ф. Рацько // Основы идеологии белорусского государства: методология и методика преподавания: Сборник материалов научно-практ. конф. / Под ред. Я.С. Яскевич – Минск: РИВШ БГУ, 2003.

3. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш]; рэд. кал.: М. Касцюк [і інш]. – Мінск: Экаперспектыва, 2008.

4. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6: Беларусь у 1946-2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011.

5. Лыч, Л. Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты. / Л. Лыч – Мінск.: 2010.
6. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. / пер. с древнегр.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль. 1981.
7. Гаджиев, К.С. Политическая философия. / К. Гаджиев – М.: ОАО "Издательство "Экономика", 1999.
8. Боден, Ж. Метод легкого познания истории. / Ж. Боден – М.: Наука, 2000.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford University Press, 2005, Sally Wehmeier (ed.).
10. Маркс, К. Критика Готской программы. / К. Маркс– М.: Политиздат, 1977.
11. Ленин, В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. / В.И. Ленин– М.: Политиздат, 1975.
12. Большая Советская Энциклопедия (в 30 т.). Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, - 1972. Т. 7.
13. Чуешов, В.И. Государственность как категория политической философии и социогуманитарных наук / В.И. Чуешов // Рэспубліка Беларусь: зб. матэрыялаў Міжнар. навук. практ. канф., Мінск., 24–25 лістап. 2011 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012.
14. Карлос Антонио Агирре Рохас. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами.– М.: Кругъ, 2008.
15. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М.У. Смяховіч [і інш]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2012.
16. Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). – М.:, 2013.
17. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI-XII века. / Сост. Н.В. Поньрко. Л.: Лениздат, 1983.
18. Хрох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой и др. – М.: Практис, 2002.

19. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Нации и национализм. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой и др. – М.: Праксис, 2002.

20. Лубинский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития // Автор. дисс. на соиск. ...д.ф.н. – Ростов/Дону, 2015.

21. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. / А.А. Каваленя [і інш]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011.

22. Лукашенко А.Г. Исторический выбор Беларуси. Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 года. – Минск: БГУ, 2003.

23. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред.: В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987.

24. Соловьев, С.М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева. – М.: Правда, 1989.

25. Праграмная заява Беларускага народнага фронту “Адраджэне” // Беларусістыка. Тэматычны зборнік №21. Палітычныя партыі і грамадска палітычныя рухі. – Мінск: 1993.

26. Народная газета. 1996. 19 июня.

27. Смяхович Н. Белорусская государственность: истоки и формы // Беларуская думка. – 2013. - № 11. - С. 74–81.

28. Смахович Н.В. Белорусская государственность: истоки, исторические и национальные формы (к 1150-летию Полоцка и Новгорода) // Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее: сборник научных материалов / Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь; Институт ист. Нац. акад. наук Беларуси; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) и [др.]. – Минск: Медисонт, 2014. С.31–38.

29. Міхась Восіпавіч Біч (1936–1999): жыццё і навуковая дзейнасць (да 80-годдзя з дня нараджэння) // Бел.. гіст. час. 2016. - № 8. - С. 29-33

30. Смахович Н.В. Белорусская государственность и национальная идентичность: общее и особенное // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества / Мат-ы Республиканской научно-практич. конференции (Барановичи, 17 апреля 2015 года); редкол.: А.В. Никишина (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи, БарГУ, 2015. С. 67–71.